

18+

ТЕЛАНИ

ИСТОРИЯ ТРАГЕДИИ,
КОТОРАЯ НЕ ДОЛЖНА БЫЛА СЛУЧИТЬСЯ

АБУБАКАР БОКРИЕВ

Абубакар Бокриев Гелани. История трагедии, которая не должна была случиться

<https://litres.ru/74143167>

ISBN 9785006966963

Аннотация

Он потерял мать в годы депортации.

Его спас советский капитан, который должен был лишь выполнять приказ.

Он вырос в чужой культуре, не зная своей настоящей судьбы.

Через сорок лет Гелани возвращается на Кавказ, чтобы найти родных и понять, кто он на самом деле.

Но прошлое и настоящее сталкиваются в новой войне.

«Гелани» — это история человеческой жизни, разделённой между двумя народами. История благодарности, долга и трагического выбора.

Содержание

23 февраля 1944 года. Кавказские горы	6
Взросление и становление	12
Тайна озвучена	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Гелани

История трагедии, которая не должна была случиться

**Абубакар
Адамович Бокриев**

© Абубакар Адамович Бокриев, 2026

ISBN 978-5-0069-6696-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается безвременно ушедшему дорогому другу моему Пикаеву Хамберту, чья жизнь и судьба были тесно связаны с тем, что изложено в этой повести.

В основе повествования лежат реальные события и судьбы реальных людей.

Предисловие

История народов складывается из судеб людей. Иногда эти судьбы проходят незаметно, растворяясь во времени. Иногда становятся символом эпохи.

Повесть «Гелани» — это художественное произведение,

основанное на реальных трагических событиях и судьбах людей, переживших тяжёлые испытания истории.

В центре повествования — жизнь человека, которого судьба поставила между двумя мирами. Потеряв в детстве родной дом и мать, он получил новую жизнь и новую семью. Спустя десятилетия ему предстоит узнать правду о своём происхождении и вновь вернуться на землю предков.

Это книга о памяти и благодарности, о выборе, который не всегда можно сделать без боли. Это книга о том, как большие исторические события отражаются в жизни обычного человека.

Но прежде всего «Гелани» — это рассказ о человеческом достоинстве и о надежде, которая остаётся даже тогда, когда кажется, что всё потеряно.

23 февраля 1944 года.

Кавказские горы

Последние дни февраля выдались на редкость хмурыми и неприветливыми. Холодные ветра носились над седыми хребтами горной гряды, словно очумелые. Небо нависло так низко, что, казалось, протяни руку — и наткнёшься на его пронизывающую холодом мокрую плоть. С чёрных гор дуло. Ветер не выл — он скрёб по скалам, сдирал снежную пыль и швырял её в ущелья, и звук этот был свистящим и гулким, словно какой-то неведомый великан бил стальной арматурой по огромной пустой бочке.

Снег лежал глубокий, рыхлый и слепящий. Тропу угадывали больше ногами, чем глазами — ледяной наст, крутой обрыв вниз, и там, в глубине, змейкой река. Она не просто текла — она корчилась в ущелье, как живое существо, пытающееся вырваться из плена теснин.

По этой тропе шли двое. Мать в чёрном платке и маленький сын. До Хайбаха оставалось несколько часов пути.

Женщина шла медленно. Простуда сидела в ней уже неделю, и кашель поднимался вдруг из самой глубины груди — сухой, рвущий горло. Тогда она отворачивалась к скале, зажимала рот платком, и спина её мелко вздрагивала. Ей было очень плохо. А когда приступ отпускал, она оборачивалась

к мальчику и улыбалась: — Скоро дойдём, Гелани.

Мальчик ступал след в след. Это была игра — попасть точно в мамин отпечаток на снегу и не промахнуться. Ему это удавалось. И пока он шёл, он думал о доме. О том, как пахнет печка. О камне у крыльца, нагретом солнцем. О горах, которые видел по утрам из окна, синих-синих. И о маминой ладони — тёплой, сухой, которая гладит его по щеке.

Но это утро было странно пустым. Ни дыма. Ни лая собак. Ни человеческого голоса.

Мать остановилась. Долго смотрела в сторону дороги, ведущей вверх. И оттуда донёсся, постепенно нарастая, странный звук.

Такой звук, какого в горах не бывает. Тяжёлый, чавкающий, ритмичный — сотни ног, уминающих снег.

Из-за поворота показалась колонна людей. Женщины. Старики. Дети. Узлы, одеяла, редкие санки. По краям — солдаты с автоматами. Шинели. Чёрные ремни. Красные от мороза лица. Колонна шла вниз. Люди двигались медленно. Многие едва переставляли ноги. Почти никто не смотрел по сторонам. Только губы некоторых едва заметно шевелились — тихая молитва шла вместе с ними.

Мать шагнула ближе. — Что случилось?

Пожилая женщина в колонне подняла глаза. Чёрные, больные, печальные глаза. — Выселяют...

Слово обрело трагический смысл. И воздух сразу стал густым, как кровь.

Офицер резко поднял руку: — Стоять!

Женщина остановилась. Пальцы её дрожали. — Мы домой. В Хайбах.

Офицер посмотрел внимательно. — Возвращайтесь.
— Почему?

Он помедлил: — Там скоро никого не будет.

Она смотрела на него долго, будто не слышала. — Это неправда...

Кашель согнул её пополам. Воздух рвался из груди. Она держалась за плечико сына в поиске опоры.

— В сторону! — крикнул солдат с автоматом, не глядя на неё.

Она сделала шаг. Потом ещё один. И вдруг стала медленно оседать. Сначала на колени, потом — всем телом в снег. Снег принял её легко, почти нежно.

Гелани дёрнул её за рукав. — Нана, Нана, Нана?! Она не ответила.

Он потянул сильнее. Платок сполз с головы, и волосы рассыпались по снегу — чёрные на белом. Он не понял, что происходит с мамой. Почему она не дышит и не отвечает ему. И почему эти дядьки такие злые.

Капитан Алексей Михайлович Кравцов подошёл к ним. Высокий, светловолосый, с усталым лицом. Он присел, коснулся шеи женщины. Держал пальцы дольше, чем нужно.

— Документы есть? — спросил он сержанта.

— Нет, товарищ капитан. Они из Притеречья, домой до-

бирались. Муж на фронте. Фамилия — Исмаиловы. Из Хайбаха. Я из местных русских, немного их язык знаю.

Капитан кивнул. Колонна уходила вниз. Молитвы становились тише.

— Оставьте двоих, — сказал он после паузы. — Накройте её бушлатом.

Он довёл колонну до места сбора. Внизу, у дороги, уже ждали грузовики — «Студебеккеры». Людей спешно загружали. Передав колонну жителей, капитан повернул обратно.

Через полтора часа он был на месте. Женщина лежала под солдатским бушлатом. Глаза закрыты. Лицо спокойно. Мальчик сидел рядом, беспокойно озираясь и держал её руку.

— Товарищ капитан... перестала дышать, — тихо сказал сержант.

Капитан снова наклонился. Проверил пульс. Медленно выпрямился. Мальчик смотрел на него широко раскрытыми глазами, словно искал ответа происходящему.

— Как тебя зовут? Мальчик мотнул головой.

Капитан обратился к сержанту: — Он, видимо, не знает русского языка. Пусть ответит, как его имя.

Сержант спросил на чеченском. Мальчик тихо ответил: — Гелани.

Имя прозвучало чисто и твёрдо. Капитан повторил его, непривычно выговаривая.

Он понимал: людей из Хайбаха здесь не будет. Никогда. А

про то, что случится с селом и его жителями через несколько дней, он не знал, хотя и предполагал, что всё может быть... но запретил себе об этом думать. Приказы не обсуждаются. Их выполняют, какими бы они ни были. Таковы суровые законы страны.

Он отвёл мальчика за уступ скалы. Достал губную гармошку. Тихо сыграл короткую, звучную мелодию. Ребёнок замер, слушая. Потом дал ему плитку шоколада. Пока он отвлекал мальчика, солдаты вырыли могилу в мягком грунте у склона.

— Скажи ему, что мама спит, — тихо сказал капитан сержанту.

Мальчика не подпустили. Земля быстро скрыла чёрную ткань.

Когда всё закончилось, капитан закутал ребёнка в свой бушлат. Он шёл вниз по дороге и думал. Куда его деть? Кому передать? В детдом? В пересыльный пункт?

Он вспомнил письмо жены. Надежда писала, что снова ходила к врачу. Безрезультатно. Никакой перспективы нет.

Мальчик прижимал к груди гармошку. — Поедешь со мной? — спросил капитан.

Гелани ничего не ответил, но изредка беспокойно озирался — в ожидании, что вдруг появится мама.

К вечеру они были у машин. Людей уже увезли. Капитан сел в кабину, пристроив мальчика рядом. Тот уснул почти сразу, утомлённый дорогой и произошедшей драмой, сжи-

мая в маленькой ручонке гармошку.

За хребтом оставалось село Хайбах, жители которого должны были заживо сгореть. А имя Гелани начинало свой долгий путь к другой судьбе.

Взросление и становление

Весной сорок четвёртого Кравцова Алексея Михайловича отправили на Запад. Война уже переломилась, покатилась обратно, и эшелоны шли теперь не на восток, а туда, откуда пришла беда. Мелькали станции, скрипели вагоны, солдаты спали вповалку, положив головы на вещмешки. А он просыпался среди ночи и думал не о Берлине, не о наградах — о том, как там мальчик. Выживет ли?

Гелани остался в доме с Надеждой Павловной. Так его и записали — Геннадий Алексеевич Кравцов. Имя в документах вывели аккуратно, с нажимом. Прошрое осталось за скобками.

Оттремели бои, отшумели метели. Война закончилась. Страна праздновала Победу. Мир вздохнул с облегчением. Наконец-то можно жить и не убивать, можно растить детей, строить дома, выращивать зерно, лить сталь и производить автомобили. Кравцов вернулся в родное село уже подполковником запаса — в орденах, с тяжёлой походкой человека, который слишком много видел.

Гелани вырос и возмужал. Речь его стала ровной, чистой, с мягкой уральской интонацией. От горной гортанности не осталось и следа. Он учился легко. Сначала школа, потом сельскохозяйственный институт в Свердловске — с отличием. Возвращение в родной район было естественным: земля

тянула его к себе.

Он стал агрономом в совхозе. Работал с рассвета и до темноты. В поле его уважали — за прямоту, за точность, за то, что никогда не перекладывал вину на других. Люди тянулись к нему.

Там же он и увидел Любу — голубоглазую, с толстой русской косой, смеющуюся так звонко, что даже угрюмые трактористы невольно улыбались. Свадьбу сыграли широко. С гармошкой, с песнями и долгими тостами. Всё село пришло. Кравцов сидел во главе стола, молчаливый, но светясь от радости за сына и от того, что всё складывалось так прекрасно. Он смотрел на Гелани долго и внимательно — как будто оценивал и сверял что-то в душе.

Иногда ему казалось странным, что этот высокий, широкоплечий мужчина с ясными голубыми глазами — тот самый мальчик, который когда-то в горах сидел на снегу и ждал, когда мать откроет глаза и скажет ему, как и раньше, ласковое слово.

Никто в селе не задавал лишних вопросов. Документы были в порядке. Происхождение не обсуждали. Время было такое — лучше меньше знать.

Сам Алексей Михайлович к тому времени уже возглавлял соседний колхоз «Путь к коммунизму». Хозяйство крепко держалось на ногах, считалось передовым. Красные знамёна висели в кабинете аккуратно, как на параде. Многочисленные награды занимали целую стену. Но фронтовые раны да-

вали о себе знать. По вечерам ныла спина, иногда темнело в глазах. Он всё чаще задерживался в кабинете после работы. Снимал пиджак, садился к столу и долго смотрел в окно.

Страна менялась — или, наоборот, не менялась вовсе. Сначала Афганистан. Похорошки. Молодые лица на чёрных лентах. Потом пустые полки в магазинах. Очереди. Неловкое молчание людей. По радио говорили много — и всё громче. Но от слов становилось только тревожнее. Менялись портреты в кабинетах. Лишь не менялась усталость.

Кравцов чувствовал: земля уходит из-под ног. Система, которую он защищал, в которую верил, вдруг показалась ветхой, дырявой, как старый бушлат. Она ещё держалась, но сквозь дыры уже неприятно дуло.

Однажды он просидел в кабинете до глубокой ночи. Лампа на столе освещала бумаги. За окном ветер с неуёмной настойчивостью гнал сухую пыль по двору. Он снял очки, потёр влажные глаза. — Хватит, — обречённо тихо сказал сам себе.

Наутро он подал заявление об освобождении по собственному желанию.

Тайна озвучена

«Скорая» стояла у ворот. Фары разрезали вечерний двор. Люди в белых халатах торопливо входили в дом и выходили обратно, переговариваясь короткими фразами. Дом принадлежал Алексею Михайловичу Кравцову.

— Обширный инфаркт. Транспортировать рискованно, — говорила врач в рацию. На другом конце настаивали: вертолёт будет.

И через два часа его доставили на вертолёте в областную клинику.

Гелани узнал о случившемся от Любы. Он выехал сразу же — дорога до Свердловска показалась бесконечной.

Три дня Кравцов лежал в реанимации. На третий день кризис миновал. Когда Гелани впервые пустили в палату, он остановился у порога. Отец казался меньше ростом. Щёки осунулись, седая щетина подчёркивала бледность.

— Батя... — тихо сказал он.

Кравцов медленно повернул голову. Узнал. Слабая улыбка отразилась на губах. Гелани подошёл, осторожно, нагнувшись над кроватью, обнял его. Он никогда прежде не ощущал так болезненно остро, что может потерять отца. Некоторое время они молчали.

Потом Алексей Михайлович заговорил. Голос его был глухим, речь давалась с паузами. — Сынок... времени у ме-

ня немного. Слушай меня и не перебивай. Я давно хотел сказать... да всё откладывал.

Он закрыл глаза, будто собираясь с силами. — В сорок четвёртом я был на Кавказе. Мы выселяли один народ. Приказ... был приказ.

Гелани насторожился. — На горной тропе умерла женщина. У неё остался мальчик. Маленький совсем. Я забрал его. Не смог оставить.

Пауза. — Этот мальчик — ты.

Слова повисли в воздухе. Гелани сначала даже не понял услышанного. Смысл не укладывался в голове.

— Твоя мать умерла. Я похоронил её в горах. А тебя увёз. Записал на своё имя. И больше... никому и никогда не говорил об этом. Про это знает одна Надежда.

Кравцов тяжело дышал. — Тебя звали Гелани. Фамилия — Исмаилов.

В палате стало так тихо, что было слышно, как капает система раствора. Гелани встал. Сделал несколько резких шагов к окну. Мир вдруг стал каким-то чужим и неприглядным. Услышанное повергло его в шок. Жизнь разделилась, скорее разломилась, на «до» и «после». Был Геннадием Кравцовым, а выходит, что Гелани Исмаилов. Чеченец из Хайбаха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.